

*Инна Мельницкая
г. Харьков, Украина*

ПРОСТИ МЕНЯ, ИТАЛИЯ!

(диптих)

*Памяти Владлены Костенко,
и всем Альпини, уже ушедшим и ещё живым,
а также Джулио Марио Вигано, Серджио Галло и Пино Скачча
посвящается*

СЕРЕБРЯНАЯ РОЗА

С чего это всё началось? С Владлены. Вы не знали Владлены? Жаль, ах как жаль! Вот нет её – и мы все осиротели. А я, наверное, горше всех...

Не знаю, сколько ей было лет, когда мы с ней познакомились. Категория возраста к ней просто неприменима.

У неё было ясное лицо девочки-подростка, прелестное пионерское лицо, летучие пионерские волосы («Жора сам меня стрижет!»), звонкий, светлый голос, и роста она была пионерского – и вообще вся какая-то первомайская. Мне она напоминала жаворонка: такая же маленькая, такая же трепетная и тоже вся – как подарок тебе!

Вот попробуйте – представьте себе жаворонка, хоть на минутку! Как он журчит в весеннем небе – маленький, отважный, праздничный – и весь струится, трепещет короткими, словно детскими, крылышками. Он может быть голоден, может быть, ему холодно там, в небе; может даже, он вот-вот, окоченев, упадёт камушком на землю – мне случалось в дни весенних заморозков подбирать их, замёрзших. Одних удавалось отогреть, других доводилось хоронить в саду – но пока жаворонок жив, он дарит тебе радость...

Вот такой была Владлена. Теперь вы знаете, какой она была.

Мне кажется, она меня тоже любила. То есть меня, может быть, и нет – она любила мои рассказы.

Нет, вы не думайте – она их строго любила. У неё было удивительное чувство слова, звука, интонации, и если она, просматривая текст, проходя поставит на полях беглую «галочку», – можешь быть уверена: в этой строчке обязательно сидит какая-то блоха, и ты её непременно найдёшь.

Надо сказать, мы не всегда сходились в оценке. Это естественно: ведь рассказы твои и стихи – это же твои дети, и, как дети, они рождаются

разными и – уввы! – совсем не обязательно все умники и писанные красавцы. Но и тот, который не очень удался – он же не виноват, что таким уродился! Бывает, Оно запросилось на выход, написалось – ну, вот такое вышло! Есть такое слово украинское – «недолуге». Очень точное слово, я такого русского не знаю. Ты и раздражаешься порой, и стыдишься его немного – неловко тебе! – но ведь всё равно оно твое, родное, хоть и неудалое – вот и жалеешь его.

Бывало, спрашивают тебя, что ты написала за последнее время – покажи! И ты его украдкой в сторонку – «недолуге» же! А Владлена – цап! «А это что?» Ты мямлишь: да так, мол... «Нет-нет, давайте сюда – оно мне как раз ложится в передачу!»

Ты отдаёшь с неохотой и сомнением. Владлена делает передачу – да, я ведь и забыла сказать, что была она главным редактором отдела художественного вещания областного радио. Ну вот, делает она передачу – и так как-то подает твоего бедного детёныша, что тебе буквально обрывают телефон взволнованные слушатели, и ты вдруг понимаешь, что нечаянно сказала в нём что-то драгоценное, чего и сама не заметила – а она сразу ухватила.

Зато бывало и так: приношу я Владлене очередное детище и с тайным чувством удовлетворения кладу перед ней на стол, как курочка-несушка, только что положившая тёплое, смуглое яичко, – а она быстро пробегает текст глазами и со скучным лицом, скучным голосом говорит: «Ну да, ну да, – это как-нибудь в другой раз...» Значит, в бойко написавшемся рассказике чего-то – может быть, одной единственной нотки, слова одного, мелочи какой-то – не хватает, но без нее он не живёт, И я забираю его с досадой, и потом, с досадой перечитывая в пятый или двадцать пятый раз, вдруг отчётливо вижу, чего Владлена от меня хочет.

Помните, как у Сурикова, когда он писал «Переход Суворова через Альпы» – там у него один немолодой солдат срывается в пропасть? Так вот, не хотел он падать – и всё тут! Сто раз художник его переписывал – не падает окаянный, хоть убей! Сидит на краю обрыва, как курица на нашесте. И тут Сурикову пришло в голову: вывернул ему локти – несуразно, неестественно – и полетел голубчик в пропасть как миленький!

Вот так – найдёшь эту мелочь, эту драгоценную нотку – и заиграет всё. А если бы не Владлена...

Так вот, полюбилась Владлене моя новелла об итальянцах – об армии Alpini, альпийских стрелков, которая в полном составе заявила, что

выходит из войны, и, бросив фронт по Среднему Дону, пошла домой. Немцы жестоко наказали вчерашних союзников. Расстрелять целую армию, согласитесь, было как-то неудобно – союзники всё-таки! У них отобрали всё продовольствие, все транспортные средства – тупорылые «фиаты» и кротких ушастых мулов, отобрали оружие, и по всей оккупированной территории объявили: итальянцев на ночлег не пускать, еды им не давать – за нарушение приказа расстрел. В выборе меры наказания оккупационные власти, как известно, не затруднялись: либо повешение, либо расстрел – *tertium non datur!* Зимы стояли лютые – морозы до сорока градусов, вот и брели по Украине упрямые, отчаянные южане в хлипких шинелишках на рыбьем меху, обмотанные бог весть какими тряпками – и люди, ходившие на менку, рассказывали, что повсюду вдоль дорог, как мухи в молоке, темнеют на снегу трупы в зеленых итальянских шинелях. Но наши горемычные бабы, рискуя жизнью, всё-таки порой пускали бедняг ночевать и делились с ними последним куском, потому что это были уже не враги, а просто чьи-то дети, чьи-то сыновья, голодные, обмороженные, погибающие ни за что в чужом краю.

Как-то так получилось, что вроде бы до меня никто еще об этом не писал – я, оказалось, первая – и осторожное начальство сказала Владлене, что для такой передачи надо запрашивать разрешения МИДа. А кто, скажите, станет беспокоить МИД ради получасовой передачи?

Ну, поогорчались мы – и решили жить дальше. А что оставалось делать?

Прошло некоторое время, прошли некоторые передачи – и вдруг звонок! Владлена! «Немедленно несите! Сказали, можно. Сейчас можно – а вдруг опять будет нельзя?»

Я и завтракать не стала – так, глотнула чайку и побежала.

Прибежала, принесла, начитала (я всегда себя сама читаю, не люблю, чтобы другие) – полдела сделано! Теперь, говорит Владлена, надо такое предисловие сочинить, чтобы никто из наших не придрался: почему вдруг сейчас о войне? И почему об итальянцах? Тут, сами знаете, «не так паны, як паненята». У них главный принцип: лучше перебдеть, чем недобдеть – а то как бы чего не вышло! Короче, надо подумать о мотивации.

Ну что ж, будем думать!

Пошла домой. Иду и старательно думаю. Ничего в голову не приходит. Ну почему сейчас? Да потому что раньше не давали!

И тут идёт мне навстречу ветеран один знакомый – шустренький такой, ему за восемьдесят, а он как огурчик, и щечки розовые.

– Что это, – спрашивает, – Инночка, у вас вид такой озабоченный?

– Не озабоченный, – говорю, – а озадаченный. В обоих смыслах.

И объясняю ему, какая передо мной задача поставлена.

– Ну, тогда, – говорит, – считайте, что меня вам сам Бог послал.

И рассказал мне, что не так давно в город наш приезжало трое итальянцев – их в сорок третьем году спасла какая-то женщина – точь в точь как в моей новелле: полуживых пустила в хату переночевать, отогрела, накормила, и вот теперь – через сорок с лишним лет! – они приехали сюда, чтобы отыскать ее, поблагодарить, подарки привезли – а им не разрешили её разыскивать, потому что жила она в посёлке Лиман, а это вроде бы то ли за пределами дозволенной иностранцам зоны, то ли объект там какой-то стратегический. Словом, как всегда, – как бы чего не вышло!

Интурист отфутболил их в общество культурных связей с заграницей. Кончилось тем, что они оставили свои подарки в этом обществе с просьбой передать по назначению – и уехали ни с чем. Короче, надо мне идти на улицу Скрипника, в Дом Учителя, где помещается это общество, и там, на тарелочке с голубой каёмочкой, ждёт меня мотивация для нашей передачи.

Я, конечно, галопом на Скрипника, а там, оказывается, их аж два: общество культурных связей с заграницей и общество борьбы за мир и дружбу народов, или еще что-то в этом роде – прямо близнецы-братья. И оба помещаются в одном зале, только в разных углах: один стол побольше и посolidней, другой – поменьше и поскромней. И там, и там начальствуют дамы. Мне повезло: той, что посolidнее, не было – на месте оказалась та, что поскромней. Она мне всё подробно рассказала. Оказывается, итальянцев было действительно трое, двое постарше, один помладше – в войну ему было восемнадцать. Так вот, тот, что помладше, уже пять писем прислал после отъезда: всё спрашивает, не нашли ли ту женщину. Никто её, конечно, не искал, а подарками распорядились сами – то есть та дама, что посolidнее. Подарков было два: большая шаль, изумительной красоты, и синяя бархатная шкатулка с серебряной розой. Шаль начальница куда-то пристроила, а серебряная роза осталась в обществе, как символ дружбы наших народов.

Одним словом, к тому времени, когда, наконец, явилась главная дама, я уже была во всеоружии, ибо недаром говорят: информирован – значит, вооружен.

Дама оказалась величественной пергидролевой блондинкой с пышной причёской а ля Бабетта, – правда, вышедшей из моды, но вполне соответствующей её комплекции и статусу, – и со столь же пышным именем Жанна. Я представилась ей как корреспондент областного радио и сказала, что нам стало известно всё сказанное выше, и я хотела бы узнать, что предпринято Обществом, чтобы найти упомянутую женщину и вручить ей упомянутые подарки. Дама набухла малиновым румянцем и строго-бдительно спросила, откуда у меня такие сведения, на что я, авторитетно задрав подбородок, ответила, что, согласно журналистской этике, не обязана оглашать источник информации.

Дама заёрзала на стуле, как кошка в засаде, но сдержалась и сказала, что, поскольку адресата найти не удалось, шаль вручили другой русской матери, у которой сын погиб на войне. Я поинтересовалась фамилией и местом проживания этой русской матери, и по градусу накала заподозрила, что по всей вероятности шаль осела в гардеробе самой начальницы – тем более, что фамилию ошастливленной она назвала после некоторого колебания.

А роза?

Розу мне показали: она была прелестна и трогательна, но больше самой розы меня потрясло приложенное к ней письмо. Оно было написано по-русски – или, вернее, писавший его думал, что пишет по-русски – и по всему периметру листа, по самому краю его, были нарисованы крохотные цветочки. От этого, честное слово, перехватывало горло! Вот оно, это письмо, – я переписала его очень старательно, со всеми его особенностями, и можете быть уверены – сохраню навсегда:

Письмо Луиджи Вигано из Милана Русской Маме

Спасибо тебе русская мама!

Мы не забыли твою доброту!

«Ты в нас увидела своих сыновей,
истощенных от голода, изнеможенных,
страдающих, нуждающихся в помощи.»

Прими эту розу

в знак благодарности

от итальянского солдата.

1943–1985

ПОСВЯЩАЕТСЯ РУССКОЙ МАМЕ, КОТОРАЯ В ДАЛЁКОЙ ДЕРЕВНЕ ЛИМАН ВО ВРЕМЯ НАШЕГО ОТСТУПЛЕНИЯ, СТАЛА ДЛЯ НАС, ХОТЬ И НА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ, МАМОЙ

Были чужеземцами, врагами против нашей воли, и, все же, сколько доброты в твоих глазах, мама!!!

Твой сын, плоть твоего тела, солдат, как и мы, защищая страну от вражеского нашествия, пропал без вести. Уже много месяцев не было от него никаких известий. Может быть погиб от вражеской пули, и все же ты по отношению к нам, не смотря на то, что мы считались вражескими захватчиками, твое сердце, смогло преодолеть все барьеры, человеческое негодование, и увидела в нас несчастных сыновей другой матери, страдающей, как и Ты, по своему пропавшему сыну, чувствующей ту же самую боль.

Твои слезы слились с нашими, Ты обняла нас, как может обнимать только Мать своего собственного сына!

Накормила и приютила на ночь в той же комнате, рядом с твоими детьми, потому что в нас ты не видела чужеземных врагов, а видела сыновей, истощенных от голода, изнеможенных, страдающих, нуждающихся в помощи.

Ты маленькая Мать неизвестной далекой деревни Лиман, которую мы трое никогда не забудем, помогла нам со всей сердечной добротой и, надеюсь, судьба вознаградила тебя, дала тебе счастье вновь обнять Твоего живого и здорового сына, о котором Ты пролила, в то далёкое время, не мало слез.

Не спросили твоего имени, Ты для нас была и останешься МАМОЙ.

Где бы Ты ни была, будь благословенна! ! !

Пока я, вежливо испросив разрешения, переписывала это, дама, не скрывая раздражения, перекладывала какие-то бумаги, звонила куда-то по телефону, всячески демонстрируя занятость по меньшей мере государственной важности. Но дело надо было доводить до конца, поэтому я, поставив последний восклицательный знак и подавив волнение, снова приняла официальный вид и тон, и заявила, что хотела бы также ознакомиться с письмами, которые приходят из Милана.

– С письмами! – высокомерно фыркнула дама. – Так они по-итальянски!

– Ничего, – небрежно обронила я, – это не проблема.

Уязвлённая дама прикусила губу: такого нахальства она не ожидала. Честно говоря, я от себя – тоже, но что поделаешь: назвался груздем – полезай в кузов! Смелость, как говорится, города берёт!

Писем было пять – по числу прошедших месяцев. Опираясь на сохранившиеся в памяти крохи французского факультатива и скудную университетскую латынь, я всё-таки кое-как их одолела. Писал их всё тот же Луиджи Вигано – и ни на одно, по-видимому, не получил ответа.

– А что вы хотите, – рванулась в контратаку дама, – в Харьковской области пять посёлков под названием Лиман, К тому же мы не знаем ни имени, ни фамилии этой женщины. Как прикажете ее искать?

– Ну, положим, вернее всего, это Лиман Змиевского района, – так они шли, – бодро возразила я, – но это не так уж важно. Можно обратиться в районные газеты, объявить в нашей передаче по областному радио, рассказать эту историю...

– Только попробуйте, – взвилась дама, – только попробуйте – и это будет ваша последняя передача! Может, эта женщина не погибающих пожалела, а сознательно оказывала содействие врагу!

Ох, определенно шаль у нее пригелась – иначе откуда такая страстная бдительность? Ну, ладно – я сдержанно попрощалась и ушла, оставив даму в растрёпанных чувствах. Теперь, в конце концов, можно было и позавтракать.

Предисловие к новелле (вступление к передаче) я написала в тот же день, но решила не дразнить гусей – написала вполне обтекаемо. Сами подумайте: разве я могла подставить под удар моего жаворонка? Уж больно агрессивна эта дама была настроена – «не чіпай лиха», как говорится! Но для себя я составила чёткий план действий: я найду её, эту женщину! Если нет её в живых, детей её найду! И всё очень просто: этот Вигано (кстати, у него оказалось аж три имени – живут же люди!) – так вот, этот Луиджи Виктор Марио Вигано написал, что у хозяйки было четверо детей – двое сыновей и две дочери. Старший сын где-то на фронте – от него не было вестей с начала войны, а старшая дочь Дуся, двадцатилетняя красавица, перед войной была учительницей младших классов сельской школы. Мой план был прост, как дважды два: имя Евдокия не такое уж частое; надо обратиться в архивы рай- или облоно и искать учительницу младших классов по имени Евдокия, которой в то далёкое время было двадцать лет. И начинать с посёлка Лиман Змиевского района. Вот и всё.

Передача прошла с успехом и без осложнений. Грозная дама не подавала никаких признаков жизни, Владлена цвела как майская роза – и ей, и мне слушатели просто обрывали телефон. Последний звонок прозвучал вечером, с вокзала..

Звонила столичная журналистка. Имя ее было мне знакомо – назовём её Ирина: она училась в нашей школе, несколькими классами старше меня, а после школы как-то быстро продвинулась куда-то вверх по комсомольской линии.

– Это твой рассказ передавали по радио?

Я подтвердила: мой.

– Целый день не могла к тебе пробиться. Успех! А ты ее разыскивать не собираешься, эту женщину?

Ну как это не собираюсь! Я чётко – и, честно говоря, не без тайной гордости – изложила свой план, на что она не менее чётко отреагировала:

– У меня через двадцать минут поезд. Ты без меня ничего не предпринимай. Я через неделю приеду, и мы ее найдём.

Признаться, меня несколько озадачили командные нотки в ее голосе – руководящий работник, понятное дело! – я хотела было сказать, что и сама справлюсь, всё продумано – но в трубке зазвучали гудки. Ну конечно: ей же на поезд!

Через неделю она приехала. План мой сработал: мы без особого труда нашли учительницу младших классов Евдокию Скубинь, а с ней и всю семью. Матери, к сожалению, уже не было в живых, но пропавшего было без вести сына она еще успела дожидаться и даже успела понянчить внука. Дуся по-прежнему работала в школе. Ни она, ни младшие брат и сестра не слышали нашей передачи, но без труда вспомнили тот далёкий зимний вечер, когда к ним в окно постучались трое – три обмороженных, оголодавших чужака в зелёных шинелях, и как мать, взглянув на младшего, всплеснула руками – ой, лышечко! – и заплакала, и кинулась в чулан за картошкой, а потом, глядя, как они стыдятся, торопливо и жадно ели, всё вздыхала и вытирала глаза краешком платка.

Дуся дала нам две фотографии – довоенную всей семьи и послевоенную, матери с внуком на руках – и мы послали их в Милан, благо я заблаговременно списала адрес, когда читала письма. Собственно, «мы послали» звучит не совсем точно – столичная журналистка сразу провозгласила словами Великого Комбинатора: «Командовать парадом буду я!» Ещё бы: как журналисту упустить такой сюжет! Я всё понимала и, честно говоря, испытывала некоторую ревность к ходу событий: ведь это с моей подачи, по моему плану они развивались, – но, в конце концов, какая разница, кто стоит во главе угла? Главное, что план оказался успешным – мы ее нашли! Письмо полетело в Милан, и вскоре пришёл взволнованный ответ: Луид-

жи, он же Виктор, он же Марио узнал на фотографиях Дусю и её мать, и непременно придет! И не случайно – нет-нет, не случайно его спасительницу зовут так же, как его мать и как Матерь Божию – Мария! И сам он, как многие итальянцы, тоже носит это имя – это тоже не случайно! Он придет, он должен приехать и возложить цветы на её могилу, и сказать ей все слова, которые столько лет носит в своей душе!

В большой столичной газете вышла большая волнительная статья под названием «Серебряная роза». Справедливости ради должна сказать, что в ней упоминались и я, и моя новелла, с которой всё начиналось, но, правда, только так – в качестве элементов композиции.

Прошло ещё некоторое время – и в моей квартире настоятельно зазвучал звонок междугородки. Это была Ирина, та самая журналистка: «Такого-то числа мы приезжаем. Будь готова.» Кто – мы? «Ну, как кто – я и Луиджи!». Двое других, старших, приехать уже не смогли.

Ну вот – конечно, всё правильно! Разве я сумела бы так быстро добыть переводчика, вытребовать у городских властей две машины, чтобы повезти Луиджи в Лиман и организовать ему торжественную встречу в школе, где работала Дуся? И всё-таки немножко обидно, что мне было сказано: «А ты садись во вторую машину» – так, что до самого Лимана я не успела даже парой слов обменяться с гостем. Он ехал в первой машине с Ириной, переводчиком и каким-то не то районным, не то городским начальством. Во второй – я, завуч лиманской школы и кто-то ещё. По дороге завуч рассказала, что незадолго до нашего приезда Дуся скорострительно умерла, и похоронены они с матерью на разных кладбищах. Вот почему за задним стеклом идущей впереди машины маячат два огромных букета желтых роз: прежде чем заехать в посёлок, Луиджи хотел поклониться обеим могилам.

На первом кладбище, где была похоронена Мария, к могиле мы подошли все вместе, нас провела завуч, но в первые же минуты мной овладело мучительное чувство неловкости: наше присутствие здесь, при встрече этих двоих, было не просто неуместно – оно было почти кощунственно. Я невольно попятилась – вместе со мной без слов отошли и другие. Мы стояли в стороне и молча смотрели, как взволнованно и нежно немолодой, невысокий, седой человек гладил выцветшую фотографию на памятнике, как оправлял цветы на могиле и бормотал на голубином своём языке им одним понятные тихие слова. Наговорившись с Марией, он обратился к Богу. Он говорил с Ним так страст-

но и убедительно, прижимая руки к лацканам серого пиджака, что было ясно: Тот должен услышать его молитву!

Потихоньку, стараясь не хрустеть гравием, мы отошли к машинам, чтобы не мешать. Минут через пятнадцать Луиджи присоединился к нам. Размягчённое, помолодевшее от волнения лицо его горело пятнами румянца.

Еще одно кладбище, ещё одна могила. Ещё один букет желтых роз и долгая молитва. На этот раз мы благоразумно остались у машин: пусть поговорят наедине – им есть, что сказать друг другу. А нам было о чём подумать. Да, нам было о чём подумать и что и с чем сравнить...

Прямо с кладбища нас повезли в школу. На пороге нас встретила кучка нарядных женщин – директриса, завуч младших классов и несколько учительниц разного возраста, но удивительно похожих друг на друга праздничным – нет, *парадным* выражением лица. Одна из них, явно волнуясь, выступила вперёд: это была Дусина сестра Рая, самая младшая в семье, теперь уже тоже учительница. Вы бы видели Луиджи в эту минуту! Растерянно всплеснув руками, он отступил было на шаг – и бросился обнимать её, что-то восклицая и оглядываясь на нас, словно призывая нас быть свидетелями чему-то невероятному.

– Он говорит, – подсказал нам переводчик, – он говорит, что когда впервые её увидел, ей было шесть лет. Измученные, замёрзшие, они, уже без надежды, постучались в окно, где, как им показалось, в щёлочке мелькнул слабый свет. На стук чья-то маленькая рука отогнула уголок одеяла, которым было занавешено окно, и они увидели детскую головку в светлых кудряшках. Луиджи говорит, он подумал, что наверное уже умер и видит ангела на пороге рая.

Кто-то засмеялся, но мне почему-то не было смешно.

Нас повели в Дусин класс – так попросил Луиджи. После Дусиной смерти класс приняла Рая.

Дети во все глаза смотрели на первого в их жизни настоящего иностранца, слушали его быструю, взволнованную речь, которую через пень-колоду топорливо передавал им переводчик. По команде учительницы несколько записных отличников очень громко и очень старательно продекламировали какие-то стихи, из которых гость, конечно, ничего не понял; потом ему поднесли альбом, в котором он как почётный гость должен был что-то написать им на память. Тут он совсем разволновался – он так ответственно отнёсся к этой обязанности! Весь класс, затаив дыхание, следил, как он, прикусив губу и поминутно о чем-то советуясь с переводчиком, царапал страницу непослушным пером. А потом, со-

всем неожиданно – для меня, во всяком случае – произошло нечто, наверное, не предусмотренное сценарием: гость водрузил на стол большую сумку, которую всё время таскал за ним переводчик – класс немедленно насторожился! – и стал раздавать детворе подарки в память о Дусе – о первой учительнице, ушедшей от них навсегда. Класс зашевелился и зажужжал, как потревоженный улей. Ещё бы – вдруг какие-то подарки, да еще заграничные! И притом разные – кому что достанется? Хотя подарок – любой – вот так, ни за что – всё равно приятно! Хотя непонятно – ну, пустили его когда-то погреться, ну, накормили картошкой – и что? Чтобы вот так, через столько лет ехать куда-то за тридевять земель, тратить кучу денег на подарки каким-то чужим детям? Зачем?

Однако постепенно на некоторых мордашках радостное оживление стало сменяться напряжённой работой мысли: почему у этого странного гостя срывается голос и дрожат губы, когда он гладит их стриженные головёнки?

У меня тоже сдавило горло и предательски защекотало в носу, и я поняла: нет, недаром этот человек – этот Человек сюда приехал! И может быть, недаром не только для себя – для нас, и для этих детей...

А потом мы сидели за столом, в той самой хате – добротню её выстроил хозяин перед тем, как ушёл на войну! – и Луиджи снова, волнуясь, вспоминал над тарелкой со стынувшим винно-золотым борщом, как они шли в трескучий голубой мороз по мёртво молчащей стылой деревне. Ни голоса, ни лая собак – только хруст снега под ногами да натруженное дыхание из простуженной груди. И вдруг – щёлочка живого света в окне, как последний луч надежды... Вот в этом? Нет, в этом, наверное...

И Рая, удивляясь, подтверждает: да, в этом... Кажется, в этом.

Наш переводчик с трудом продирается сквозь путаницу их воспоминаний. Да он, оказывается, и не переводчик вовсе, а так – мелкий бизнесмен, как это модно сейчас называть. Просто отец у него был итальянец: они с матерью познакомились в Германии, куда она была угнана на работу. Отсюда имя – Марио, да кой-какое знание итальянского языка. Откуда Ирина его выудила, не знаю – всё-таки она молодец! Куда там мне до её оперативности!

На столе появляются вареники – и тут вдруг все почему-то оборачиваются ко мне. А-а, это Луиджи спросил, с чего всё началось – откуда узнали о том, что они втроём приезжали в Харьков, о шали, о серебряной розе, и как удалось разыскать Марию и Дусю.

И я рассказываю, как родилась моя невыдуманная новелла: как в далёкую, суровую, голодную зиму сорок третьего довелось мне заночевать у

своей подружки. С наступлением комендантского часа, то есть после четырёх, ходить по городу не разрешалось. У подружки топилась «буржуйка», и воду они брали не из проруби – сравнительно недалеко была колонка, так что меня даже напоили чаем из вишнёвых веточек с парёнками вместо сахара. Знаете, что такое парёнки? Это харьковское изобретение. Зимой сорок первого-сорок второго фронт стоял под Роганью, в каких-то двадцати километрах, из города никого не выпускали, и свёкла в прифронтовых полях так и осталась неубранной. Потом фронт откатился, и люди, кто посмелее, стали выкапывать эту перезимовавшую свёклу. Ну, какая погнила, а какая всё-таки уцелела – так вот эту, перемёрзшую, нарезали соломкой, как для борща, и пекли, а потом с кипятком – вместо сахара...

Одним словом, почаевали мы, угрелись и собрались было уже и спать ложиться, чтобы коптилку зря не жечь – как вдруг стук в дверь. Спрашивается, кто это может быть – в такое время? А стук всё настойчивей. Немцы, что ли? Или полицаи? Этим не откроешь, сломают двери! А зима ведь – как проживёшь без дверей? Бедная тётя Шура, сама не своя от страха, открыла – а там итальянцы. Двое! Тряпками какими-то обмотаны, грязные – но карабины при них. А как увидели, что «буржуйка» топится – у них аж слёзы на глаза навернулись! Ну что с ними делать? Впустить – так за это ж расстрел. Нет – так у них же карабины! Не знаю, что уж там взяло верх – страх или жалость, только оставила их тётя Шура, и кипятку дала с парёнками – больше-то и не было ничего, и даже воды дала умыться. А потом они расстелили на полу у печки свои шинелишки и улеглись спать, счастливые. А рано утром, ещё затемно, ушли, чтобы не накликасть на нас беды. Уходя один из них поцеловал тётю Шуре руку и, сняв с себя распятие, надел тётю Шуре на шею.

Вот, собственно, и вся история. Не знаю, насколько полно Марио её перевёл, но у Луиджи навернулись слёзы. Он что-то заговорил – быстро-быстро, взволнованно, оборачиваясь то ко мне, то к переводчику, прижимая руки к груди: оказывается, он просит – он очень хочет повезти этот рассказ в Италию! Неважно, что он не может читать по-русски: там найдутся люди, знающие язык. Его обязательно переведут: это очень важно для Alpini, для тех, кто ещё жив! Его товарищи – те, что приезжали с ним, – они уже не в состоянии приехать, у самого старшего был инсульт, второй тоже болеет – но как они будут рады! Как это важно, чтобы мы – здесь – поняли их! Ведь мы наверное не знаем – а ветераны Alpini, те, что ещё жи-

вы, обратились к правительству Италии с тем, чтобы их не хоронили на общих воинских кладбищах – они не хотят лежать рядом с фашистами!

Господи, как хорошо, что я случайно прихватила с собой свою книжку! Да нет, не случайно – я её для Ирины захватила, но обойдётся Ирина, как-нибудь в другой раз подарю!. Я передаю её со своего дальнего конца стола, небольшую, неказистую – и если бы вы видели, как вспыхивает, как освещается радостью его лицо! Как ребёнок, он гладит мягкую серую обложку, поднимает на меня глаза – и на секунду возникает ощущение, что мы с ним одни здесь из того страшного, того священного времени, непостижимо породнившего нас. Он что-то произносит – беззвучно, но я читаю по губам: *grazia!* Спасибо! И меня обдаёт горячей волной, как глоток церковного вина – святое причастие! Короткая пауза – словно полёт в машине времени – и вдруг Луиджи стремительно срывается с места, бежит куда-то к двери – нет, к своей сумке, приютившейся в уголке, – что-то достаёт, и оборачивается к нам, нестерпимо сияя мохнатыми глазами. В руках у него тощенькая тетрабочка – что это? Прижимая тетрабочку к груди, он обрушивает на переводчика поток счастливо взволнованных слов.

Марио-переводчик беспомощно барахтается в этой лавине, но главное мы понимаем: эта тетрабочка – ксерокопия дневника, который восемнадцатилетний солдат пытался вести в то грозное время. Тут даже есть фотография: такими она пришли домой! Он думал подарить эту тетрабочку Дусе, но теперь он дарит её мне, чтобы я донесла до людей всю правду о том, как это было.

Я смотрю на эту фотографию: три темных фигуры на тусклом сером фоне – то ли ксерокс никчемный, то ли фотография плохая; лиц не различить, но мне кажется, что это скульптурная группа – монумент под названием «Возвращение с войны»!

Ирина непроизвольно передёргивает плечами – видимо, её задело, что она вдруг оказалась не в фокусе. Голос её звучит резковато и громче, чем нужно, когда она хвалит вкусный обед и благодарит хозяйку; к ней присоединяются остальные, а я смотрю на Раечку – и мне видится детская головка в освещённом окне, какой её увидел Луиджи сорок с лишним лет назад.

Марио предлагает: он попросит мать перевести эти записи – она лучше его владеет итальянским – и тогда уже я смогу привести их в порядок. Луиджи благодарно трясёт его руку и оборачивает ко мне растроганное лицо. Я киваю: да-да, конечно, я постараюсь! Я обещаю, я сделаю всё, что смогу!

Всё, что говорится потом, как-то стирается в сознании – не то чтобы оно было незначительно, а просто оно служит фоном основному. Потом Ирина поднимается: пора возвращаться. Серебряная роза наконец обретает положенное место: Раечка любовно кладёт её на полочку перед портретом матери.

Мы выходим на темнеющую улицу, рассаживаемся по машинам, но на этот раз Луиджи просит, чтобы я ехала с ними. По дороге он рассказывает мне о своих внуках, показывает их фотографии – удивительные детские лица с прекрасными, горячими глазами – словно с картин старых итальянских мастеров. Вот этот, старший, уже хорошо играет на скрипке. Дед, оказывается, сам скрипач – вот откуда пронзительная тональность его писем!

Мы обмениваемся адресами – но я ведь не знаю итальянского!

– Ничего, – говорит Луиджи, – я выучу английский.

Марио, наш переводчик, смеётся.

Всю дорогу Ирина молча слушает наш разговор. Я рассказываю Луиджи о городе и немного – совсем немножко – о себе. На углу Совнаркомовской Ирина останавливает водителя и говорит мне:

– Выходи. Тебе ведь отсюда недалеко? Мы поедem дальше. Водителю пора возвращаться.

Я несвязно, торопливо прощаюсь и вылезая из машины, машина трогается – но дёрнувшись останавливается снова. С коротким восклицанием Луиджи выскакивает из машины, хватая меня за руку и двумя руками зажимает в моей ладони какой-то мягкий комок. Я не успеваю ни понять, ни сказать ничего. Ещё секунда – и, махнув мне рукой, он захлопывает за собой дверцу «Жигулей». Ариведерчи!

Я растерянно раскрываю ладонь. На ладони, в слабо пахнущем незнакомыми духами скомканном носовом платке – распятие. Строгое распятие на цепочке белого металла, ещё сохраняющее тепло другой, не моей, груди.

СЕРЁЖА ПЕТУХОВ И МЕДАЛЬ

Нет, дневника Джулио я так и не получила. Марио, наш волонтер-переводчик, сказал, что мама его обещала перевести дневник недельки за две. Ну, если человек оказывает тебе любезность, неудобно наступать ему на пятки. Я позвонила в конце третьей недели. Мне ответил милый, несколько удивлённый голос:

– Как, разве Ирина вам не передала? Она всё забрала – и перевод, и сам дневник. Сказала, что вам передаст.

Ну да: «Казав пан «Кожух дам!» – та слово його тепле!»

Видно, слишком велико было искушение – ну как журналисту упустить такой сюжет!

Написать об этом Джулио у меня не хватило духу – но история на этом не кончается.

Прошло некоторое время – немалое время – и вдруг звонок из редакции местной газеты: тут, говорят, нам из гостиницы «Харьков» звонили. Приехали из Москвы какие-то итальянцы, разыскивают писательницу, которая об итальянцах писала, – вас, наверное?

Ну, говорю, может и меня – а может еще кто-нибудь писал, я же не знаю.

Оказывается, тележурналисты, аккредитованные в Москве, готовят материал об Альпини. Труба зовёт!

Приехала в гостиницу. Там уже полно и газетчиков, и телевизионщиков – суета! Вроде бы телемост предполагается. Не люблю я эту режиссуру: вы сядьте сюда, а вы сюда, вы спросите это, а вы скажете это – и так далее, и тому подобное. Это не по мне, мне тут делать нечего – и я потихоньку слиняла.

Но где-то недельки через две или три – звонок из «Интуриста». Это уже адресно – мне. Молодой жизнерадостный баритон отрекомендовался референтом римского журналиста Пино Скачча, аккредитованного в Москве., который в настоящее время пишет книгу об Альпини. Пино убеждён, что мы можем быть полезны друг другу – ведь я тоже о них писала. Когда мы можем встретиться?

Это уже было по-настоящему интересно! Встретились. Их оказалось трое: звонивший мне референт-москвич с бессмертным именем Борис Корнилов, сам Пино Скачча и какая-то странная фигура – русский, но из Италии, видимо, потомок белоэмигрантов, вроде бы тележурналист. Пино, в отличие от приезжавших до него телевизионщиков, скользивших по верхам, был, как говорится, «в теме». Он рассказал, что работает над книгой уже несколько лет. По числу погибших от голода и холода по дороге домой, в ту морозную зиму в снегах Украины навечно осталась целая дивизия. Отсюда и название книги. Борис затрудняется точно перевести эпитет, но не всё ли равно – «утраченная», «потерянная» или «исчезнувшая дивизия»?

Эти люди никогда не вернутся домой, – их так много, что ими можно было бы населить целый город, пусть небольшой, но ГОРОД, – а сколько

людей их не дождалось? Матери, жёны, невесты, дети – это сколько же ещё городов? Я не поняла, как Пино вышел на меня – единственное. что было ясно, это то, что к нему как-то попала моя книга – та, которую я подарила Джулио? Наверное.

Три дня мы делились друг с другом всем, что знали. Русский итальянец больше молчал и слушал, по временам украдкой вытирая глаза. Мы его понимали: у него болели две страны, две Родины! Борис, молодой парень, не знавший войны, тоже заразился нашим волнением – он с каждым днём открывал для себя что-то новое о стране, в которой родился, о людях, среди которых жил. Расставались мы трудно – как люди, случайно, при встрече, обнаружившие своё родство. На прощанье я подарила Пино свою книжку. Название – «Когда не было лета» – ему не надо было объяснять. Он дал слово, что, как только выйдет его книга, он непременно мне её пришлет – просто передаст через Бориса.

Кто же знал, что пройдёт не так много времени – и между мной и Борисом ляжет государственная граница!

Покатались обыкновенные дни, несчитанные, хлопотливые – и вдруг однажды меня оторвал от вечерней работы требовательный междугородний звонок. Звонила Москва: Борис сообщил, что Пино вернулся в Рим, что книгу свою он закончил и буквально на днях она должна выйти большим тиражом. А ещё – что моя тоже переведена на итальянский и вышла в печати, только я не поняла, вся – или только то, что касается Альпини? Слышимость была плохая: последнее, что Борис прокричал сквозь треск и шипение, было что он снова позвонит в ближайшее время.

Оно наступило довольно скоро, это время, но ещё раньше произошло непредвиденное: в рубленой баньке, после ладного сугрева, тремя распаренными богатырями было принято судьбоносное решение, и могучая держава, за которую было пролито столько крови, в одночасье перестала существовать.

Всё смешалось, всё перепуталось: время (московское, киевское?), деньги (рубли, купоны?), почтовые марки и тарифы ... Борис ещё раз прорвался по телефону: книга вышла, он успел её получить для меня – но неизвестно, как её переслать. Так и оборвалась эта ниточка. Ни адреса, ни телефона Бориса я не знала.

Общаться с Ириной я не могла – что-то внутри меня категорически этому противилось. Она, по вполне понятным причинам, мне тоже не звонила. Всё как будто замерло без движения – только совесть, как настырная, злая свекровь, всё

пилила и пилила меня: ты же обещала человеку написать о нём, он ждёт – что он о тебе подумает? А я малодушно и, что греха таить, неискренне, пыталась её успокоить: а может, Ирина усовестится и пришлёт мне дневник? Или признается Джулио, что дневник у нее и что я так его и не получила?

Так оно и тянулось – стыдно сказать, как долго.

Но однажды... Вы заметили, как оно всё у меня случается – вдруг, однажды? Так вот, однажды – как всегда, вдруг – зазвонил телефон: на этот раз Совет ветеранов. Серьёзно настроенный женский голос уточнил, что я это я, и с немотивированным вздохом облегчения сообщил, что вообще желательно, чтобы я явилась к ним, в Совет ветеранов, который находится по такому-то адресу. Зачем? Небывалая вещь: через Харьков в Россошь следует из Италии автопоезд ветеранов войны Остановка будет в кемпинге, и Совет ветеранов Альпини просил обеспечить им встречу с вами (со мной, то есть!)

Ничего себе! Ну, ладно телевизионщики, Пино Скаччо, наконец, – но целый автопоезд? Что от меня нужно автопоезду?

Усталая немолодая женщина в Совете ветеранов коротко объясняет ситуацию: Альпини едут в Россошь, чтобы там торжественно отметить пятидесятилетний юбилей принятия решения о выходе из войны. Харьков принимает их в кемпинге. Группа наших ветеранов встречает их хлебом-солью на окружной дороге, остальные ожидают в кемпинге. Автопоезд прибывает в пять. Мне предлагается ждать в Совете – за мной пришлют машину.

Ждём. Очень долго ждём. Смеркается. До кемпинга неблизкий путь, а до пяти уже всего ничего! Наконец отчаянный звонок: сейчас за мной придёт машина! Наши старики с хлебом-солью уже который час мёрзнут на окружной! Какое-то столичное начальство задерживает автопоезд в Чутово.

Едем в кемпинг. Во дворе кемпинга, в густеющих сумерках топчется беспокойная толпа: ждут! Меня приглашают в какое-то служебное помещение. На массивном письменном столе – красивый, вкусно пахнущий, большой каравай с блестящей корочкой и кокетливая, затейливой ручной резьбы, деревянная солоночка. Очень хочется есть!

Сижу, никого не знающая, не понимающая – зачем я тут? Наконец в коридоре торопливые шаги, кто-то заглядывает в комнату: едут! И тут – опять же вдруг! – по всему кемпингу гаснет свет! Ничего себе – Deus ex machina! И уже почти в темноте на территорию вползает целый поезд невиданных двухэтажных автобусов. Из автобусов высыпают говорливые, взволнованные люди. Переводчик! Где переводчик? Переводчика нет. Кто-

то, пробегая мимо, сердито бросает: «Киевская переводчица где-то спряталась!» А у нас что – не нашлось?

Какое-то шевеление в толпе ветеранов. Оказывается, есть у нас один – он в своё время бежал из немецкого плена и сражался в итальянском Сопротивлении. Его извлекают из толпы, но он конфузливо кается, что то небольшое, чему научился в Сопротивлении, он уже подзабыл. И тут меня запоздало осеняет: английский! Кто знает английский? Ко мне проталкивается высокий – для итальянца даже очень высокий – наверное, северянин – в тирольской шапочке с пером, и раздельно произносит: «Я – Серёжа Петухов».

Наверное, у меня вид клинического идиота, потому что он смеется и милосердно поясняет, уже по-английски: «My name is Sergio Gallo». Я знаю, что gallus – по латыни «петух», но это не слишком проясняет дело. Тогда Серджио берет меня за руки, как будто собирается проговорить детскую считалочку «энеки-бенеки ели вареники», и терпеливо внушает: он русский итальянец, или итальянский русский – об этом подробно потом – но по-русски ему трудно, а по-английски пожалуйста. Поэтому общение можно наладить. Правда, цепочка получается сложная, но мы справимся. Он будет переводить с итальянского на английский и обратно, а я, соответственно, с английского на русский и наоборот. Интересное кино, правда? Тем не менее, всё как-то наладилось – процесс пошёл!

Вокруг нас сбилось столько народу, что я начала путаться, кому на какой язык переводить. Группка взволнованных пожилых итальянцев атаковала Серджио – что такое? Оказывается, им надо проехать в город, им очень надо проехать в город! Ведь они были здесь в то далёкое, то грозное время! Им непременно надо – но как? Действительно, как? Троллейбусы не ходят – тока нет! Кто знает, надолго ли его вырубил! Такси? Но у них нет наших денег. Скажите им, пусть утром съездят. Какое там – утром! Они в шесть утра уезжают!

Ну что с ними делать?

Седой ветеран, тяжело опираясь на палку, сердито говорит:

– Да всё это по команде из Киева: и свет вырубил, и в Чутово их задержали, Харьков им как кость в горле – мы же, видите ли, «сх1дняки»! А переводчица?

Видно, это один из тех, что мёрзли на окружной: ещё не оттаял!

Я не успеваю ответить: в толпе какое-то шевеление. Возникает кто-то с фонарём, кто-то окликает: «Сеньора экривана! Сеньора экривана!»

Сеньора экривана – это я. Вслед за фонарём подходит высокий, худощавый военный. Он чётко берёт под козырёк и так же чётко говорит по-английски, без тени акцента:

– Разрешите представиться: генерал де Гато. Я – ещё молодой генерал, и не принимал участия в той войне, но мне доверили честь командовать этим автопоездом. И ещё: от Ассоциации Альпини я уполномочен поблагодарить вас и вручить вам эту медаль – юбилейную медаль Альпини – медаль, которую я сам с гордостью ношу.

Слова застревают у меня в горле, я лопочу что-то несусветное, а он протягивает мне маленький синий футлярчик и снова берёт под козырёк. Минутку мы молча смотрим друг на друга, потом он широко, совсем не официально, улыбается, говорит «Grazia!» – и наклоняясь целует мне руку.

Кругом приветственно-восторженный шум, а у меня одна забота – не заревет! Здесь, дома, меня никто из своих официально не погладил по головке – кто я? Даже не член Сп1лки, а тут вот – Италия, чужая страна! – и вдруг медаль! И эти, усталые после дальней дороги, чужие, для меня безъязыкие, люди улыбаются мне, глядят по рукаву, и говорят непонятные, но добрые, благодарные слова!

Я не помню, что еще говорит де Гато – я даже не знаю, как правильно пишется его имя: может быть, Дегато? Не знаю, что должна делать и говорить – я просто открываю футлярчик и почтительно целую тёмную бронзовую медаль. Толпа одобрительно шумит, и я понимаю, что сделала то, что должна была сделать, и эти люди больше мне не чужие, и никогда не будут чужими. Генерала зачем-то отзывают; жёсткая, должностного вида дама берёт меня за локоть и шершавым голосом зачем-то мне говорит «Адреса своего никому не давайте. Если захотят написать, пусть пишут на Совет ветеранов». Я не успеваю спросить, почему.

Вот теперь Серджио объясняет мне, почему он Сережа Петухов. Очень давно, двести лет назад, из России в Италию приехала большая группа людей. Осев на чужой земле, они сохранили родные названия тех мест, из которых приехали. Деревня, из которой родом он сам, называется как-то похоже на Чарники – «Чёрненькая», что ли? За двести лет многое подверглось изменениям, но сознание того, что они должны воевать против своей бывшей родины – *Drang nach Osten!* – было для них трагедией и для многих одним из мотивов выхода из войны. Он, Серджио, учит русский, он может читать – правда, не очень хорошо; он и детей

своих учит. Сам он не Альпини, но попросился в автопоезд водителем, чтобы побывать на этой земле, и у них – у русских! – к нам большая просьба: они пришлют нам названия своих деревень, чтобы мы определили, где это, откуда они родом! Он мечтает привезти своих детей на родину своих предков.

Я пытаюсь втолковать ему, что это почти нереально, потому что то, что было большой Россией двести лет назад, распалось на куски, и что названия сто раз менялись, – а он твердит: но ведь не все же? А вдруг какие-то сохранились!

Он так горячо меня убеждает, что мне уже самой хочется верить – а вдруг?!

Света по-прежнему нет. В темноте приезжих зовут куда-то ужинать, откуда-то снова возникает должностная дама и сердито сообщает, что меня давно уже ждёт машина и, если я не потороплюсь, мне придётся пешком добираться до центра, а люди (приезжие) из-за меня могут остаться без ужина.

Серджио отмахивается – Бог с ним, с ужином! – но дама неумолима. Он только успевает крикнуть нам вдогонку: «А куда же писать?» И я обречённо роняю: «В Совет ветеранов! Они меня найдут». Дама, толкая меня в спину, удовлетворённо заключает: «Ну, правильно».

Уже в машине она возмущённо сообщает кому-то из сидящих: «Представляешь, трое все-таки рванули в город. Поймали какую-то машину, водителю один вместо денег часы свои отдал. А вот как они возвращаться будут?»

Вот уж, действительно, – кто это сказал – Баратынский, кажется? «О память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной»...

Где-то через полгода кто-то между делом мне сообщил:

– Знаешь, там в Совет ветеранов какое-то странное письмо пришло – список каких-то деревень, муть какая-то!..

– Господи, а где оно, письмо это?

– А кто ж его знает! Это давно уже было...

Так я и его не получила. Прости нас, Серёжа Петухов!

Проходит еще много времени, нескладного, тревожного, бестолкового времени – и вот, в июне – почти ко дню рождения (совпало?) – я получаю небольшой пакетик: «Просили передать». Я не стала разворачивать – не до того было! – поблагодарила, да так и принесла домой. Дома развернула – и сначала ничего не поняла: серая коробочка с надписью на четырёх языках

AURORA

L'intramontabile mito della scrittura. The legendary tradition in writing.

Le mythe eternal de l'écriture. El mito eterno de la escritura.

«Легендарная традиция письма». Да ещё eterno – «вечная»?

А в коробке – чёрный футляр со строгой, изящной авторучкой и самое главное – трогательный конвертик с коротеньким письмом на немислимо корявом английском языке. Вот это письмо – я храню его с нежностью:

june 1994

Dear Inna

I remember us meet in Charkov and Liman.

Again thank you for all/ Please, accept this small present, with best wishes, for to write beautiful story, for to increase love, peace, and comprehension, too among different people and nation

Sincerely you

Mario Viganò

Не знаю, почему он подписался здесь своим третьим именем, не знаю, как передать в переводе его ошибки, но в общем на русском это выглядело бы примерно так:

июнь 1994

Дорогая Инна,

Я помню нашу встречу в Харькове и в Лимане. И снова – спасибо Вам за всё.

Пожалуйста, примите этот маленький подарок с моими наилучшими пожеланиями,

чтобы писать прекрасные рассказы, чтобы увеличивать (*это его слово!!*) любовь,

мир, а также понимание между разными людьми и народами.

Искренне Ваш

Марио Вигано.

И нет обратного адреса – а Ирина говорила, что он переехал из Милана. Куда? И подписался почему-то своим третьим именем...

И как мне теперь жить и маяться, что я в долгу перед ним, перед Альпини, перед Серёжей Петуховым, и всеми сегодняшними итальянцами, чьи предки двести с лишним лет назад привезли в Италию названия родных деревень и мешочки с родной землёй? Как мне быть, скажите!

Прости меня, нет – прости н а с, Италия! Прости – и прими этот сбивчивый рассказ!